

БОЯНИТЪ

ПИСЬМО ДЛЯ БЕЛЕТРИСТИКИ И НАУКИ.

Ч. 2.

Львѣвъ, 8. Цвѣтня

1867.

УПАВШІЙ АНГЕЛЪ.

Повѣсть

Волод. Шебельского.

(Продовженіе)

III.

ИВАНКО.

Тая-самая нѣчь. Жене хмара зводомъ неба, кидается громами. Свистомъ и гомономъ ходитъ буря по скаль верхахъ. То ударить до черного дна небесъ и перунѣвъ огонь разбудить, то знова зайде до деберъ и обѣймется зъ передвѣчною пѣтмою.

О десять миль глубше въ горахъ лежитъ невеличке село дротарѣвъ. Село въ розвалинахъ.

На словацкѣй земли билися тогдѣ два во-роги. Одинъ боровся за династію, другій за народъ. Але оба кидалися до живыхъ душъ чужого племени, оба топтали по травицяхъ чужихъ могиль, — а зо сердце не заграла еще свобода, а зъ могиль славянскихъ не двиглася съ кровавою грудью немеца столѣтій...

И такъ для идеи мадяризма чи для нѣмецкихъ интересѣвъ страдала смирна душа словацкого люду. И такъ загнався ворогъ въ тихое село, где перше народъ молился и трудился, где перша спѣванка дѣвоча верховинамъ говорила рай любви, где пѣдъ святою липою слухавъ молодець казокъ сивобородого дѣда.

Теперь церковь сумуе, а дѣвчина плаче на звалищахъ, а дѣдъ занѣмѣвъ.

Гуляе вихоръ, а зъ темного плеса рѣки бьется жалке ехо. Се славянскіи дѣти просятъ зъ холодного гроба...

За стрѣмкимъ шляхомъ стоятъ останки хлопской хижи. Огонь разбивъ слабую будѣвлю, а тѣлько крайній уголъ лишився. Сумно догаряе головня; часами вихоръ займе искру и кинется въ далече гѣръ, але тамъ на снѣгахъ огонь не будится, и тѣлько дубами буря потрясе.

На соломѣ лежитъ дротаръ Максимъ. Типъ славянского селянина. Чоло широке доводитъ природны здѣбности; лице наплатноване тяжкими трудами, панщиною. Але зъ глубоко запавшого ока говоритъ завзятые. Максимъ бувъ великого роста, лѣтъ до пятьдесяти.

Зъ груди дротаря тисся тяженькій стоить. Максимъ оперся найшовшимъ ворогамъ.

Слабеньке свѣтло падало на блѣднїи лица дротаря. Видно боровся ѓнъ съ собою, мовчки збераючи останки дотлѣваючого житья.

У нѣгъ его сидѣла дѣвчина.

Максимъ кинувся дуже болестно.

Дѣвчина зарыдала въ-голосъ.

Словакъ глянувъ на дѣвчину, Словакъ бачивъ, якъ она зъ жалю розходилася, якъ тислася слезаво до него, и цѣлая душа, душа любви, стрѣлила зъ темного ока. Въ тѣй хвили дивная мягкость прилягла лица дротаря. Духъ его молился.

„Мадо моя, дѣтино моя, сирото моя нещастная! — говоривъ поволи Максимъ — куда вержешся съ горенькомъ своимъ? куда

вернешся, куда пойдешь самая? кто приглубит чужую дѣтину? Свѣтъ широкій, людей безъ числа; але свѣта ты не знаешь, не знаешь людей — свѣтъ не заплаче съ тобою, люди не приймутъ тебе...“

И чути було рыданье дѣвоче и вихровую нуту, що ругалася ему.

„Мадо моя, лишена Мадо моя! — продовжавъ дротарь — где мати твоя, щобы огрѣла тебе любовью своею, щобы прошила тебе голодную, щобы заодѣла тебе холодную? Куда ступишь за порогъ и за звалища, якъ привитаешъ досвѣтъ, где ляжешъ до сна? Чи пойдешъ въ горы межи скалы — тамъ звѣрина глядитъ за жиромъ, тамъ стелится дикая ягода, Мадонько моя! Чи пойдешъ до мѣсть межи людей — тамъ зведуть тебе на дорогу грѣхѣвъ, тамъ на горы забудешъ и на честь забудешъ, Мадонько моя! —“

Мадонька мала богато зачеркѣвъ до довершеной плястики лица, именно той плястики, котора выходитъ зъ рукъ природы яко одна смѣлая гадка. У той Мадоньки не бѣльше якъ 14 лѣтъ. Але тѣ лѣта пережила она на святой груди природы, где на яри въ поли она слухала соловья и шуму дубровъ и спѣванокъ подругъ, где она робила днями на родинномъ загонѣ, а ночами переснила цѣлый рай дѣтинно-дѣвочою души... Она мае чорнѣ очы, хорошия рѣсницѣ, чудесно зведенѣ брови, а очима и рѣсницями и бровами розлився плачь горячий, и цѣлая Мада була яко одна слеза зъ долони ангела... Она мае волосъ русый, лица смаглявѣ, уста калиннѣ, а съ волосомъ симъ и лицами и устами сими видится она бути якимъ духомъ, що зѣйшовъ зъ дубѣвъ чи зъ водиць широкихъ гѣръ пѣдъ курную стрѣху села...

Дивно засіяло личко дѣвчины. До хижы влетѣвъ напрасно якійсь хлопецъ. Онъ держитъ въ руцѣ скрипку.

Максимъ замеравъ.

„Найшовъ я ю, на звалищахъ найшовъ ю, звалищамъ выдеръ ю — она лишилася менѣ, лишилася любимая моя“ — заголосивъ хлопецъ, вергся страстно на землю, и обнявъ ноги дротаря.

„Иванку, Иванку —“ промовивъ Максимъ тихо, слабенько, и простеръ руки до объятій, але руки замлѣли, упали на постелю, а голосъ затихъ.

„Максима! я наймитъ твоѣ, але щирю душу маю... Максима! ты ставъ менѣ за батька; сиротою блукався я по селу, сиротину всякѣй обругавъ, нещастного бурлака всякѣй отцурався — ты мене принявъ, пригорнувъ до сердца — я не бувъ тобѣ наймитомъ, слугою не бувъ, а дѣтиною твоею рѣдною... Максима! не умерай, не гинь, не гинь! —“ плакавъ Иванко.

„Максима! тебе убили, душу твою взяли менѣ — нехай кровью своею умьюся, горячою кровью зъ-пѣдъ сердца — благослови мене на мѣсть — кленуся Богомъ, Мадою твоею кленуся — вержуся на нихъ, на ворогѣвъ твоихъ! Чого не заговоришь? чого не працаешся съ нами безрадными? чого не обѣймешъ мене Иванка твоего, наймита твоего чого не пригорнешъ до ранъ своихъ? ...“

Дротарь еще разъ затрясся.

Лице Иванка палилося.

Мада зъ крайной розпуки таки розходила; она зъ-за слезъ своихъ ничего не бачила. За нею лежала цѣлая поезія дѣтинного щастья, за нею рай веселого мира, а передъ нею стелится жаль съ безконечною тугою, передъ нею люта недоля...

Суть хвилѣ въ жизни людей, въ жизни душъ, где не важится студена анатомія сердца, где ино чувство досягне, чувство несказане.

Затрясся и Иванко, страстно притисъ скрипку, тисъ ю горячо, ажъ до сердца струнъ дотисся, и сердца дрѣмающія розбудилися. Будилася арія дивная, нескладная — зъ розпуки взяла она початокъ, розпукою обвилася, зъ всякого акорда говоривъ жаль. Се душа Иванка молится за душу Максима. Не пѣсля скаль родилася тая молитва, зъ сердца ишла она безъ правилъ. То була переймаюча импровизація, где якійсь геній добувавъ звуки зъ скрипки дѣтваса и переливавъ ихъ въ одну чудесную сонату...

Максимъ умеръ.

А вихоръ свиставъ а они рыдали а звуки плакали — а вихра свистъ и рыданье ихъ и

звукѣвъ плачь творили Максимови пѣсню похоронную, несли его душу за хмары, за звѣзды..

Мѣсяць сумно блѣднѣвъ на синявѣ. Ишовъ ранѣшній холодъ природою. Зъ-за гѣръ пѣд-носилось сонце.

„Не бѣйся Мадо, — говоривъ хлопецъ — не бѣйся голубко моя! Не загинемо на широкомъ свѣтѣ, не пропадемо марно. Не плачь серденько! — есть Богъ, що любитъ дѣтей своихъ, що дае ангела кождѣй дѣтинѣ — не плачь Мадонько, не плачь! —“

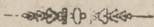
А Мадонька мала 14 лѣтъ, а Иванко мавъ 16 лѣтъ.

Съ кипучимъ сердцемъ припала Мада до хлопця.

„Не бѣйся Мадо, — продолжавъ Иванко — маю я скрипку, а ты голосъ маешь. Мене дѣдъ учивъ неодную нуту, що зо струнъ говорить, тобѣ самъ Господь вложилъ голосокъ въ душу. Якъ я заграю передъ порогами панскими, якъ ты заспѣваешь думку якую, якъ заграемо-заспѣваемо горе свое, що таки за сердце имае — заплачуть люде съ нами, пригорнутъ, одѣють. Тому не бѣйся, зѣронько моя, не бѣйся Мадо, а ходи со мною, ходи гень до мѣсть, въ свѣтъ широкий ходи! —“

И лишили они звалища, грѣбъ Максима лишили, и поѣшли въ далече, ѣтъ съ любимою скрипкою, она съ славянскими пѣснями въ душѣ. А сонце золотило шляхъ для нихъ...

(Д. 6.)

М А Н Я.

Дѣвочу косицю
Барвѣнокъ обнявъ,
На ясну зрѣницю
Барвѣнокъ запавъ,

А зъ ока слеза го потисла —
Упавъ... и лишъ

Слезина на одежи звисла —
О що ты снешъ?

Голубая мати
Говорить зъ души:
„Лиши сумовати,
И плачь залиши!“

Не чуешь? она говорила!
Ты стономъ лишъ

На одежи слезы розбила

О що ты снешъ?

Спѣвають дѣвчата:

„Дѣвчино пращай!“

Розходится хата —

„Гуляй-же, гуляй!“

Не чуешь? не плачешь, не стонешь!

А смѣхомъ лишъ

Часами на голосъ зазвонишь —

О що ты снешъ?

Руслякъ.

1848.

ИСТОРИЯ И АНАЛИЗ.

(Дальше)

На якихъ понукахъ основана лютова революта Парижанъ? — На деморализаціи Люя-Филипа и на пророкахъ новой економіи загала.

Революція зъ юлія 1830 звалила престоль Бурбонѣвъ. Горожане Парижа роздерли абсолютизмъ Карла, кинули недозрѣлую идею республики, горожане завели конституційную монархію, основану на загальной суверенности народа. Люй-Филипъ съ своими широкими плянами ставъ постоянною гадею державного организма. Тая постоянна гада здѣлала зъ Франціи одинъ великій банкъ, где честь и имя и наука гибли передъ хѣсномъ, где торгъ урядами и концесіями розвито на широку скалю, где вязався скандалъ до княжихъ митръ и министерій. И такъ мѣсто родовой аристократіи принѣсъ король горожанамъ аристократію золота и акцій. Великіи слова святого союза: все для народа, ничо черезъ народъ нашли пѣдъ симъ Орлеаномъ истинную народію. Тота державная машина була тѣлько системою — безсистемности. Душею загала була тая химера, котора мудрою серединою бажала дѣйти до народного добра, бувъ Люй Филипъ съ авторами тои теоріи. И такъ держава не розвивалася пѣсля фактѣвъ и жаданій исторіи, а пѣсля мудрованій такихъ теоретикѣвъ, якъ Гизо, що зъ-пѣдъ прапора либерализма зѣйшовъ до реакціи, якъ Тьеръ, що живе-думаетъ ино своими доетринами.

Але банкъ Люя-Филипа почавъ скоро тратити кредитъ у народа. Тая далеко и широко сягаючая рафинерія роздѣйшлася гнилизною въ тѣло Франціи. До того рѣсъ бюджетъ неожиданно, межи клясами творився провалъ, на днѣ сего вулькана горѣло. Вороги почали будитися. Приелонники Бурбонѣвъ здѣлали союзъ съ западающею романтикою. Але тая поезія не промовила до сердець; тотъ Шатобрианъ не змѣгъ спинити, якъ народъ скидавъ бѣлую хоруговъ зъ храмѣвъ ультра-

монтанизма... Во підъ сими храмами и палатами скиталися старая червона мара. Они, горожане Парижа, отдали Орлеанови звалища реставрації, щобы монархизмъ спасъ ихъ отъ крайностей, — а днь тероризмомъ своимъ самъ ихъ мече въ рамена пролетарята. Старая мара збйшла знова зъ катакомбѣвъ на дороги дѣланья. Спартанскій характеръ Ляфаета зломився передъ постоянною гадкою короля Французѣвъ. Слѣдомъ за вѣщунами нового переворота ишли журналистика и литература, а коли Лионская борба и похоронъ Лямарка не змогли еще розбудити старого огня, опозиція заперлася въ клюбахъ и заговорахъ. А коли Люй-Филипъ ясно уже збйшовъ до идей бурбонсеихъ, она вергалася съ адскими машинами на него, и будила шаленого смѣлчака зъ пепелѣвъ великого Наполеона... Отже лютовая револьта мала бути карою исторіи за державнй грѣхъ Люй-Филипа, мала бути протестомъ здоптаного народа противъ его умного паразита.

Другій факторъ розвивався зъ народного характера Французѣвъ. Сказано, они не знаютъ конечности исторіи, они сягають до идеалѣвъ далекихъ столѣтій, суть фантастами. Коли на першихъ барикадахъ Парижа свобода жерла дѣти свои, пролетарятъ бувъ тѣлько орудьемъ горожанъ. Зъ широкого моря крови ступавъ днь гордо до фабрикъ, а зъ фабрикъ вертавъ герой дня до давного горя, и съ тугою гелота дивився на золоченй пороги капиталистѣвъ. Чи не знести уже той розваль межѣ клясами, где по одной сторонѣ Мамонъ царюе, а по другой крайна нужда давить? Чи не звязати людей въ одинъ великій загаль, где культъ розума принесе рай миліонамъ свѣта? —

Съ гадками такого нового апостолята двигся комунизмъ... Передъ дѣтинною фантазією економѣвъ будучности стояла темна маса миліонами бѣдакѣвъ, стоявъ пауперизмъ помянниками горя, грѣха, сорома. Передъ сими миліонами, передъ симъ пауперизмомъ, громадилося золото въ палатахъ банкерѣвъ, стелилася тревожная згадка барикадѣ. Отже въ имени сего вѣкового розвала вергся комунизмъ до запавшихъ евангелій першой революції. Онъ сполучивъ идеи Русса съ великими основами христіанства и съ теоремами мудруючого духа. Онъ отъ сентиментального Сень-Симона, которому снився загаль любви, перейшовъ до ограниченого Енфантена, который въ гармоніи тѣла и духа находивъ задачи жизни. Онъ черезъ фаянстеріи чудака Фуриера загнався до критики Прудона, а Прудонъ — се науковая форма, се діалектика комунизма. И такъ они валили тое, що столѣтьями клалося до храмѣвъ исторіи и образованья, а на руинахъ бажали они завести хоробную химеру змарнѣлого духа. А тота химера почала переходити въ народъ, коли министрѣвъ клизано передъ

судѣ, коли бюджетъ рѣсь а кредитъ пѣдносився а грѣшъ упадавъ. Отже вився на сихъ ворогѣвъ твоихъ, вився съ погордженою роботою на капиталъ! И такъ минала вѣра, дрожавъ порядокъ, маса будилася... Слѣдомъ за комунистами ишла и литература. Пламенно лилася поезія въ душу народа, съ горячою стрястю чертала романистика сумную долю люду. А тотъ огонь розпалится въ масахъ и пожарами погуляе передъ палатами Люй-Филипа. Тая хвиля добйшла 1848 г. Отже другимъ факторомъ революції бувъ комунизмъ, который на горожанъ поперъ пролетарятъ, а пролетарятъ збйшовъ зъ заулѣвъ въ червоній одежи, и обнявся съ барикадами...

(Д. б.)

З Г А Д К А.

Рвучи цвѣты по болоню,
Все про него я спѣвала —
Коли тѣлько слезы ролю,
Я про него сумовала.

И по степь мы ходили,
И ходили берегами —
Коли тѣлько мы тужили,
Клались цвѣты передъ нами.

Цвѣты-сестры говорили:
Ты щастлива! онъ тя любить! —
Сердца пѣсли зашѣмили,
Сердце згадку лишъ голубить...

Марта

С А Г А Р А.

Блѣдне небо, сонце ходитъ,
Пуца ходитъ розгорѣла —
Видьма пуци сонно бродитъ,
И на валь съ тугою съла.
Видьма пуци не заплаче
За кѣстymi, що гень сіяють —
А лишъ воронъ тамъ закраче,
А лишъ бури тамъ гуляють!
Вихоръ, буря якъ шаленй
Ись кѣстymi женуть на горы —
Горы жовтй розпаленй
Зъ лона вержуть чудотворы —
Чудотворы пуци свѣтомъ
Розплываються блѣдаво,
И обвитй степѣвъ цвѣтомъ
Йдутъ до сонця, що кроваво

Цвѣтъ и чуда принимае...
А за ними дремотою
Тысячъ гробѣвъ запалае,
А за ними со зорою
Тысячъ бурій розпалится,
И въ объятю гур гана
Пушчъ дивный сонъ приснится,
Снится ей фата-моргана...

Л.

О степяхъ и пуцахъ.

Зъ Гумбольда.

У стѣпъ высокаго хребта гранитнаго, що въ юности нашої земли, коли-то творилася затока антильская, станувъ опоною противъ филямъ моря, починаются непрозрачныя рѣвнины. Подоружуючи сими сторонами, коли уже минешъ полонины въ Каракасѣ и озеро Такаригва, такъ часто острогами засѣяне, въ котрого водахъ, мовъ въ чистѣмъ зеркалѣ, лицюются прибережнй бананы, коли лишишь буйнын нивы съ нѣжною зеленю тагитской трости цукровою, та оставишь понурую тѣнь кушчѣвъ какаовыхъ, — тогдѣ споглядаючи въ сторону на югъ, устремляешъ взоръ твѣй на степы безкраи, що здається пѣдносятся и гинуть въ мрѣючѣй дали, гень-гень на кончинѣ виднокруга.

Насытившиися видомъ буйнаго житья рѣвнинъ, ступаешъ напрасно съ изъумленьемъ на край голопущи, где зѣлья дуже мало, а деревины и совѣмъ не подыблешъ. Ни горбкѣвъ ни скель не узришь тутъ, щобы мовъ острова выглядали на цѣлой незмѣримѣй просторони. Где-не-где тѣлько стѣпны прорваныхъ покладѣвъ, которыхъ обшаръ коло 200 миль квадратныхъ занимае, вознеслися трохи выше надъ притыкающее да нихъ опѣлье. Лавицями зовуть тамошнй жителѣ тую появу, мовъ бы предчувствовали, що такимъ словомъ найудачнѣйше на именовати видъ споконвѣчный той окрестности, въ онѣй порѣ, якъ еще рѣвница нынѣшнихъ стѣпѣвъ була дномъ великаго моря середземнаго, а тѣ холмоватыи стѣпны мѣлью.

Еще и теперъ мана нѣчнйа представляе иногда тѣ образы минувшихъ часѣвъ. Якъ зѣрки — проводницѣ, швидко возходячи и заходячи, освѣтлятъ рубець рѣвнинъ, и заедно мигкотѣючи двоити стануть свѣй образъ въ долѣшной верствѣ филюючихъ вапорѣвъ, здається, що видишь океанъ безъ берегѣвъ. Якъ океанъ, такъ и степъ будить у насъ чувство безконечности, а черезъ тое чувство наповняе насъ понуками духовыми и высокими гадками. Однакожъ все таки прятнымъ есть видъ кристалъ-

наго зеркала моря, на которѣмъ зибкая, лагѣдно пѣначася филя кружить; степъ-же лежитъ передъ тобою мертвый и сцѣпенѣлый, розтягненый мовъ стѣпны скель розоренаго якого планета.

Феноменъ сихъ великихъ рѣвнинъ представляе природа у всѣхъ стрѣхахъ земли, въ кождѣй зъ нихъ мають они властивую признаку, певную удачу, котора залежитъ отъ якости почвы, отъ климата, и вознесеня мѣстцевости по-надъ поверхню моря.

И въ сѣвернѣй Европѣ суть степы, именно поля вересовѣй*, покрытѣ однимъ лише пасмомъ рѣвниннымъ, всяке инше зѣлье выпераючимъ. Они тягнутя отъ крайнаго кѣнця Ютланди ажъ на устье Скалды. Але тѣ степы выдадутя малыми и высоко-горбоватыми, якъ ихъ зрѣвнати съ Ляносами и Пампасами въ южнѣй Америцѣ, а тимъ бѣльше еще съ широкими болонями надъ рѣками Миссури и Мѣдяною, на которыхъ кудлатый бизонъ а малый пижмовець свободно буюють.

Еще бѣльше величимъ и проймаючимъ есть видъ рѣвнинъ Африки осереднои. Доперва въ новѣйшихъ часахъ почали на нихъ бѣольшую звертати увагу, подобно якъ и на безконечну поверхню мирнаго океана. Они суть частями пѣсчаною моря, що на востоцѣ урожайны пасма замли отгорожае, або мовъ острова оперезуе, якъ пуца до гѣрѣвъ базальтовыхъ Гаруджъ притыкаючая, где на оазѣ Сѣва, богатѣй дактилями, розвалины храма Аммона указують почитанья достойное мѣстце, где уже рано просвѣта межѣ родомъ челоувѣческимъ зацвила. Ни дощъ, ни роса не звохчатъ ей пустѣй посторони, и не розвинуть зароды житья рѣвниннаго въ розжарѣнѣмъ нѣдрѣ земли. Бо горячѣи стѣпны воздуха возносятся всюда въ гору, улетняють мглистыи вапоры и розганяють перелѣтаючѣй облакъ.

Где пуца зближається до океана атлантскаго, якъ межѣ Вади-Нунъ и Сугорбомъ-Бѣлымъ, тамъ стремить вогкѣй воздухъ надморскѣй заповнити порожню, що черезъ тѣ простонаднй пруды вѣтра, за котрѣ згадалисмо, повстали. Навѣтъ корабельники на круглѣмъ мори, що вкрыте коверцемъ зеленон халуги, мовъ лугъ выглядае, кермуючи до устья рѣки Гамбѣя, коли ю наразъ лишишь вѣтеръ поворотниковый, предчувствуетъ сейчасъ поблизость пѣскѣвъ розстрѣляючихъ тепло въ просторъ свѣта.

Череды сугакѣвъ и скоропаднй струсы гасаютъ по тѣмъ великѣмъ обшарѣ. Вынявши овѣи на мори пѣсчанѣмъ ново открытыи громады островѣвъ, богатыхъ въ жерела, на которыхъ зеленѣмъ рубѣ сновидаютъ тибосы и туариксы, выпадае всю американску пуцу уважати яко окрестность непридатную для жилища людей. Не смѣють тоже сомежныи цивилизованѣ народы пускатися тамтуда,

хиба лише під певну пору. Шляхами, якім отношения торговельні отъ кѣлька тысячей лѣтъ неотмѣнно опредѣлили, тягнется довгий походъ отъ Тафилетуатъ до Томбукту, або зъ Мурзуку до Борну;— смѣлыи то предпринятъя, котрыхъ цѣле поведење залежить отъ верхоблюда, корабля пуци, якъ то звѣря стариннїи переданья востока и зовуть.

Тыи африканскїи рѣвнины занимають просторонь, мало що не три разы бѣльшую якъ обшаръ поблизкаго середземнаго моря. По части лежать они пѣдъ самыми поворотниками, по части близко нихъ; и тое-то положенье надае имъ властивое, отрубное пятно. На отворотъ, на восточнѣи половинѣ стариннаго суходола, та — сама почва геогностичная становить бѣльше властивость стрѣфы умѣренои.

На хребтѣ гѣръ Азїи осереднои, межи Золотою-Горою або Альтаемъ и Куенлюномъ, зачавши отъ хинскаго мура ажъ по-за пасмо гѣръ небесныхъ и къ озеру Араль, розпростираются завдовжки на кѣлька тысячей миль, якъ не найвысшїи, то певно найобширнѣйшїи степы въ свѣтѣ. Тридцять лѣтъ по моей подорожи въ Америцѣ южной, мавъ я спосбность звѣдати одну часть тыхъ степѣвъ, а именно степѣвъ калмуцкихъ и киргизкихъ, положеныхъ межи Дономъ, Волгою, моремъ каспїйскимъ и озеромъ хинскимъ Чайсанъ въ розлозѣ майже 700 миль географичныхъ. — Ростинность степѣвъ азїйскихъ, гдекуда горбоватыхъ и сосновыми лѣсами перегороженныхъ, розвивае мѣстцями бѣльше всѣлякости и богатства, якъ флора Льяносѣвъ и Пампасѣвъ въ Каракасѣ и Буеносъ-Айресѣ. Красшую часть рѣвнинъ, азїйскими народами пастирскими замешканую, красять низенькїи корчики бѣло цвѣтучихъ рожеватыхъ (розацѣѣвъ), такожь рябоцвѣтѣвъ (вѣнцѣ царскїи); тудипанѣвъ и черевичкѣвъ (*Surgipedium*). Якъ стрѣфа горячая симъ примѣтна, що тамъ всѣ майже ростины усилюются прибрати видъ деревъ, такъ и гдекотрїи степы азїйскои стрѣфы умѣренои отмѣчае тотя чудна высокость, котру осягають зѣдья въ цвѣтѣ, яко *Saussureae* и иншїи *Synanthereae*, ростины стручковїи, а именно множество родѣвъ горошничкѣвъ (*Astragalus*). Въ окрестностяхъ сихъ зѣльныхъ степѣвъ безъ шляхѣвъ, безъ дорогъ, вѣдучи у низкихъ пѣдводахъ татарскихъ, не можъ иначе справитися, якъ лише повставши на ноги; а тогдѣ бачимо передъ собою густостисненныи, якъ лѣсъ розбуялыи травы и буряны, стелячїи заедно въ поклонахъ першую пѣдъ колосами дорѣжку. Гдекотрїи зъ тыхъ степѣвъ азїйскихъ суть то рѣвнины травною поросшїи; другїи покритїи ростинами членоватыми, сочистыми и все зелеными, изъ родини потажовыхъ; многїи изъ нихъ доснѣють зъ далека, а то сѣль выступае способомъ лишайцѣвъ, и мовъ свѣжо притрясившїи

снѣжокъ, вкрывае неодностайно обшары глееватои земли.

Тїи могольскїи и татарскїи степы, всѣлякими пасмами гѣръ прорыванїи, отграничили древнїи, давно уцивилизованныи народъ Тибета и Гиндостана отъ варварскихъ племенъ Азїи сѣвернои. Они тоже всѣляко и влїяють на змѣнность судьбы рода чоловѣческаго; они то скупили людность въ краяхъ на юзѣ; они стали сообщанься народѣвъ бѣльше на перешкодѣ, якъ Гималая або Снѣжнїи горы Сиринагуръ и Горко: они положили на сѣверѣ Азїи непереступнїи загати и не допустили, щобы лагоднѣйшїи обычаи разомъ съ творчимъ духомъ искусства и промысла тамъ ширилися.

Однакожь тую рѣвнину Азїи осереднои не мае исторїя уважати лише передмуромъ, не перепускаючимъ просвѣту. Неразъ наводила она розоренье и тяжкое горе на Божу землицю. Чернь скотарѣвъ той степъ замешкуючихъ: Моголѣвъ, Гетѣвъ, Аляпѣвъ и Усынѣвъ всколебала свѣтъ уцивилизованныи запада. Рѣвно, якъ управа духа, мовъ то свѣтло благодатнаго сонця, розширялася съ часомъ отъ востока на западъ, — такъ пѣзнѣйше въ тѣмъ самѣмъ направленью варварство и дикость нѣровѣвъ, грозили яко темный сумракъ насѣсти Европу.

(Д. б.)

Н О Ч Ъ.

Гасла звѣзда на синявѣ,
Мѣсяць хмарою зайшовъ,
А зорницѣ золотавї
Сплакалися за сестровѣ.
А росицю изо звѣздъ
Пиля братчикъ и любистъ,
Пиля рожа розгорѣла
И лелѣя сонна, бѣла...

Звонить пѣсня въ темнѣмъ борѣ.
Чуло тугу сто калинъ,
И тугою у просторѣ
Ажъ ходило сто долинъ.
А надъ ними соколъ звисъ,
Въ синїи горы спѣвъ понѣсъ,
Въ синихъ горахъ незабута
Затихала гарна нута...

НА ПОГИБЕЛЬ!

Дитирамбъ.

Дай дѣвчино намъ шампана...
Мы съ шампаномъ и съ тобовъ

Проспѣваемъ нѣчь до рана —
Гей шампана и любовь!

На твои хороши очи,
Очи, брови, лица пью —
Пью любима о пѣвочи
На дѣвочу честь твою!

Гей за народъ чара тая!
Я за народъ душу дамъ —
Слава, мати дорогая,
Въ мучениковъ зложитъ храмъ!

Що-тамъ сердцю до кордонѣвъ!
Сердце видить тѣлько людъ —
Пью до Руси миліонѣвъ,
Пью до Руси — тамъ и тутъ!

Дай шампана, а не бѣйся!
Не спалитъ вино мене...

Пій-же съ нами, розогрѣйся!
Видишь, рвется и жене.

На погибель тымъ кайданамъ,
И погибель доли злой,
И погибель тымъ тиранамъ,
Що сковали народъ мой!

Пять столѣтій за проклятье,
А проклятье — Руси мечь!
И будучность за завзятье,
А завзятье — Руси честь!

Сто шампанѣвъ черноока! —
Гей вторуе народъ намъ
Отъ Ураля до Вислока:
На погибель ворогамъ!

Славигь.

ФЕЛЕТОНЪ.

Чешская литература.

(1774—1848)

Першіи слѣды чешской литературы загибають въ мѣстахъ поганскихъ часѣвъ. Гдѣкотри пѣсни Краледворской рукописи носятъ очевидно пятно поганства, и суть для того несомнѣнно твореньями 9-го и 10-го столѣтій, въ которыхъ поганизмъ поволѣи уступавъ побѣждающей нравѣ христіанства. Но въ сихъ старинныхъ поемахъ есть згадка за поэта еще старшого, Люмира, которого пѣсни потрясали Вышеградомъ и всею стороною. И въ першихъ столѣтѣяхъ по заведенію христіанства процвѣтала еще тая народная поэзія, то вѣжная, то героическая; она процвѣтала, пока до сердцея народа не сгнула убивающая чужоземщина... Коли-же въ 13-мъ столѣтѣи бвшіи народніи обычаи замѣнились чужими, насильно введенными черезъ послѣднихъ королевъ зъ рода Пшемыслового, коли чешское дворянство, покинувши прежніи обычаи и народніи норовы, за королями приняло чужіи, — тогдѣ и природныи народніи пѣсни були заверженіи, уступивши мѣстце поэзіи рыцарской. Правда, и въ сихъ зъ чужою землю пересаженныхъ цвѣтахъ, проявилося богато творячей силы; но та свѣжая, молодая сила, которую подвивляемо въ Краледворской рукописи, щезаетъ совершенно въ сихъ твореньяхъ. Впрочемъ по численности останковъ той поэзіи видно, що чешскій народъ дуже любивъ рыцарскіи эпопеи, бо лишивъ намъ много важкихъ твореній того рода. 13-е столѣтье и первая половина 14-го творять у Чехѣвъ эпоху рыцарской поэзіи.

Основанье университета въ Празѣ Карломъ IV. въ 1348 г., дало народови богату ученую поживу, а черезъ тое подмагало развитье въ дидактицѣ. Першимъ репрезентантомъ той поэзіи бувъ Смиль Фляшка изъ Пардубицъ. Празскій университетъ образовавъ для Чехѣвъ и першого знаменитого прозаика, дворянина Тому изъ Штитного. Всею тогдѣшнюю философію обнявъ шпаркимъ умомъ своимъ тотъ рыцарь, и умѣвъ изложити ю бесѣдою сильною и простою. Повное жизни волненье умѣвъ, заведенное основаньемъ

университета въ Празѣ, и горячая народная борба межѣ Чехами и Нѣмцами, подѣ покровомъ послѣднихъ королевъ, приготовити сильное движенье Гуситское обернуое зъ одной стороны противъ римской церкви, зъ другой противъ Нѣмцевъ, все бѣльше и бѣльше розширившихся на чешской земли. Майже весь народъ чешскій принявъ науку Гуса, и крѣпивъ его не тѣлько могучою рукою, но и горячимъ словомъ. Литература Чехѣвъ отъ 1415 г. точно якъ и исторія ихъ може по справедливости зватися Гуситскою. Вся другая журба уступала тогдѣ одной, головной — защитѣ Гусовой науки. Вся тая эпоха носить на собѣ печать строго-религиозную. Прозаики доводятъ догмату вѣры и доказують противникамъ свою правдивость и ихъ погрѣшность, поэты пишутъ сатиры на иновѣрцевъ, — тогдѣ никакъ не було мѣстца для истинной поэзіи. Но если се не була лучшая эпоха чешской литературы, по крайній мѣрѣ була се эпоха всесторонного обдѣланья языка. Владѣние его въ Чехіи и Моравіи не стрѣчало тогдѣ ніякого противника, а пробудившійся духъ народа звавъ писателей къ сердечному обдѣланью родимого слова. Осъ чому многіи до сихъ поръ звали эпоху отъ 1526-го до 1620-го года — золотымъ вѣкомъ чешской литературы. Но шо такимъ именовъ придавали за-много чести вѣку, видно за того, шо черезъ весь періодъ не явились ни одинъ достойный поеть; даже самъ Ломницкій, poeta laureatus того періода, есть ничимъ инымъ, якъ ритмачомъ безъ таланта. Мимо того було литературне дѣланье дуже живе. Науки процвѣтали; чужіи литературы задовольяли трудолюбивыхъ переводчиковъ, а горячіи други народности старались обогатити твореньями своими чешскую литературу. Но недоставало творячей силы: все було послѣдованье або переводъ. И наилучшій писатель той эпохи, Адамъ Данило изъ Велеславліна, владѣе хорошою, чистою, отличною бесѣдою, но его творенья — послѣдованья або переводы. Любимое дѣло того періода, обширная хроника чешской земли, принадлежитъ священнику Гайку изъ Любочанъ; слогеъ ей прекрасенъ, чистъ, но все она проникнута духомъ партіи античашниковъ... Сими словами приводимо болѣзненную сторону того вѣка по

справедливости релігійозного. Шалѣли католики противъ чашниковъ и чашники противъ католикѣвъ; и съ тимъ бѣльшимъ завязьемъ билися католики, чимъ менше було число ихъ. Легко було передвидѣти, которая сторона одержитъ верхъ въ борбѣ; сторона евангеликѣвъ, чашниковѣвъ, була числомъ крѣпшая отъ католикѣвъ, котора ледво тѣлько двадцятую часть всего народа звала своею, но за то мала сильную опору въ самѣмъ императорѣ.

Наставъ наконецъ 1620 г. Битва на Бѣлой горѣ недалеко отъ Праги закончила періодъ начатый Иваномъ Гусомъ: протестантизмъ пѣсля двѣцѣкового владѣнья въ Чехіи побѣждено. Императоръ Фердинандъ II. державъ за святой обовязокъ — розбити всякую ересь въ покоренной сторонѣ и не боявся ніякихъ мѣръ, тѣлько най поведуть они до цѣли. Коли виновники були карані рукою Старгородского ката на помостѣ передъ лицемъ судій, то зъ начала проповѣдниковѣвъ протестантства изгнали изъ отчины, а скоро пѣсля того обвѣстили указъ, которымъ всякій, кто не желавъ принять католицизмъ, доженъ бувъ удалитися изъ предѣловъ имперіи. И дѣйстно удалилась бѣльшая часть образованыхъ Чехѣвъ: профессоры, проповѣдники, много дворянъ и горожанъ. Дома лишилися тѣлько тѣ, которымъ було легко перемѣнитися вѣру. И ось теперь-то ревниво стали старатися — загладити весь слѣдъ побѣжденной ереси. И такъ за 20 лѣтъ пѣсля битвы на Бѣлой горѣ все Чехи були католиками, и никто не смѣвъ зватися протестантомъ. А щобы совершенно загладити всякое сѣмя ереси, приказано всюды по городахъ и селахъ глядѣти за такими книжками и палити. До сихъ книжокъ числено все, що було по чешски написано... Не дивно, що литература той эпохи напятнована нерядомъ тяжившимъ надъ Чехами. Родимого языка не уживали якъ-будто чужого, хибанъ въ книгахъ церковного розряда. Такъ поступавъ и найревнѣйшій Чехъ

своего періода, езуитъ Бальбинъ. Если издавалося шо хорошее въ чешской бесѣдѣ, то було се за границями Чехіи и Моравіи. Гдекотрѣ чешскіи эмигранты твореньями своими спасли и! поддержали честь своей родины; межи ними и найотличнѣйшій Амосъ Каменскій, послѣдній епископъ чешскихъ братьевъ. Безчоловѣчно осужденъ, скитатися майже по цѣлой Европѣ, онъ лишивъ дорогоценный памятникъ своего ума; школы многихъ сторонъ обовязані добротворной помочи того писателя; но неоцѣнені плоды онъ принѣсъ своимъ родимцямъ: его „Labyrinth sveta a raj srdce“ есть одно изъ наилучшихъ творений въ цѣлой чешской литературѣ. Въ порѣ своихъ подорожий онъ студіювавъ пляны всехъ сферъ загала, и бичомъ строгаи сатиры поражавъ марницѣвъ того свѣта. Справдѣ дивно, бѣлько гумора умѣвъ схоронити въ собѣ чоловѣкъ, которого такъ переслѣдовавъ людскій приговоръ.

Рядомъ съ нимъ достоинъ стати ученый историкъ Павелъ Скала изъ Згори. Въ своей обширной церковной хроникѣ доведенной до 1624 г. высокымъ слогомъ онъ оповѣдае о важкихъ фактахъ своей эпохи. Но творенья такъ сихъ двоихъ, якъ и другихъ эмигрантовѣвъ, лишилися безъ всякого вліянья на Чехѣвъ и Моравянъ, тому що они були строго заказані, и народъ бѣльше не симпатизовавъ съ ними, будучи розбужденъ своими новыми учителями къ непримирной враждѣ до всехъ еретикѣвъ...

ПЕРЕПИСКА.

Бл. Ксенофонъ Климковичъ въ Вѣднѣ: Salve! Бл. Левъ Куль. въ С. Прислалисте 20 кр. бѣльше. Славянскимъ редакціямъ: Присимо о взаимности.

До пчт. Публики.

Починаемо безъ претенсій. Знаючи характеръ теперѣшной стадіи нашего народа, кидаемо жменю своего труда до будущего храма одной святой Руси. На основахъ нашей исторіи, на основахъ еи началъ и преданій, хочемо зъ родимого слова добути дорогоценности, которыхъ не отцурается всяка русская душа.

Нами руководитъ горячая любовь до народа, до того народа, который, перебувши съ героизмомъ вѣковую пресію чужихъ стихій, приходитъ теперь до ясного сознанья своей ваги въ будущности.

Отъ того народа, особенно отъ галицко-русской Публики, надѣмоя живои моральной и матеряльной пѣдмоги.

При запорученной участи старшихъ и молодшихъ силъ отвѣтимо жаданьямъ образованого круга нашихъ патриотѣвъ. Оцѣняючи вагу женского пола въ загальномъ образованью народа, посвятимо его интересамъ одну часть нашего письма.

Въ имени той нашей задачи звертаемоя еще разъ до пчт. Публики съ прошеньемъ о численный удѣлъ въ удержанью сеи часописи.

БОЯНЪ выходитъ кожного 1., 8., 15., и 22. великимъ листомъ. — Пренумераша: на годъ: 5 зол. А. В., на пѣль года: 2 зол. 50 кр., на четверть года: 1 зол. 40 кр. — *Гроши передил.* адресуются до пчт. Редакціи Слова, ч. 144 м. або до Администраціи Бояна, ч. 193 м. — Матеріялы присылаются п адресою: Володиміръ Я. Стебельскій, ч. 145 м.

Издае и отвѣчае за редакцію: Стефанъ Гучковскій.

Зъ печатнѣ Ставроп. Института.